

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УЗУС
НЕМЕЦКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
ЮГО-ЗАПАДНОГО АРЕАЛА В XVI ВЕКЕ
(когнитивный аспект)**

Современная концепция истории немецкого литературного языка, основывающаяся на полигенетической (плюрицентрической) модели становления общенационального стандарта на базе территориальных вариантов письменного-литературного языка (далее ТВЛЯ) позднего средневековья¹, нуждается в разработке их дифференциальных признаков (изоглосс). При этом наименее исследован аспект лексических особенностей узусов ТВЛЯ, которые получали отражение в ведущих типах письменных памятников и лексикографических источниках, возникавших в ареалах формирования и функционирования соответствующих ТВЛЯ.

Своеобразную позицию в конкурентной системе ТВЛЯ XV-XVI вв. занимал юго-западный вариант, роль которого в оформлении структурных признаков «предстандарта» традиционно оценивается как пассивная. Между тем ареал его распространения (Эльзас, Швейцария, Баден, Вюртемберг, Передняя Австрия) выступал как зона относительно активной «конвергентной рецепции (коррекции?)» общенемецкого предстандарта, без чего вряд ли было возможно его упрочение в общенациональном масштабе.

Примечательно, что именно юго-запад как один из наиболее высоко развитых лингво-культурных регионов позднесредневековой Германии (литературная и гуманистическая традиции, городская культура, книгопечатание, образование и т.д.) являлся в XVI веке эпицентром немецкой лексикографии. Здесь возникли первые переводные словари: латинско-немецкие (П.Дазиподий, Страсбург и И.Фриз, Цюрих) и немецко-латинский (Й.Малер, Цюрих), стимулом для издания которых

---

* © Дубинин С.И., 2000.

¹ Преобладающей является модель взаимодействия («Allianz») двух ведущих ТВЛЯ – восточно-средне-немецкого и юго-восточного при периферийной роли юго-западного, западно-средне-немецкого и нижне-немецкого вариантов и их постепенного вытеснения/поглощения с XVI века.

стала «когнитивная деятельность» преподавателей-гуманистов и протестантских теологов, а также печатников по реформе образования и переориентации с вульгарной средневековой латыни на классические образцы.

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о том, как и в какой мере ранние словари отражали лексический узус юго-западного ТВДЛ.

Впервые вопрос о репрезентации лексического узуса немецкого письменно-литературного языка в словарях XVI века был поставлен А.Широкауэром [1]. По мнению исследователей, первые словари не достаточно адекватно отражали узус формировавшегося «предстандарта», если понимать под ним *устойчивое словоупотребление в актуально наиболее репрезентативных сферах письменности* (деловой письменности, религиозной и художественной литературе). Это было обусловлено общей прагматикой ранних словарей как учебных лексиконов при овладении «образцовой» латынью (тексты классических авторов и словники к ним), ориентированных на определенный дидактико-тематический минимум.

Ранняя немецкая лексикография была детерминирована «познанием латыни» согласно гуманистическому принципу *«ad fontes»* и лишь затем попыткой отразить лексический свод родного языка. У авторов словарей отсутствовала как таковая *«Quellenrezeption»* немецких текстовых первоисточников, отражавших письменно-литературный узус, поскольку протословари: 1) воспроизводили методом трансформации (*Umsetzverfahren*) макроструктуру наиболее авторитетного у современников латинско-французского словаря парижского гуманиста Р.Стефануса (1503-1559); 2) являлись взаимными переработками (*Abschreiben*), компиляциями латинских вокабуляров, глоссариев, лексиконов и т.п.

Современное состояние историко-лексикологических исследований, как констатируют авторы «Ранненоверхненемецкого словаря»¹, не позволяет говорить о полном охвате лексикона языка данного периода (в частности, его письменно-литературной формы). При оценке лексического узуса следует в первую очередь адекватно определить ведущие сферы письменности (*Textsorten*)², каковыми для периода конца XIV – начала XVII веков являлись: *rechts – und wirtschaftsgeschichtliche Texte* (абсолютное лидерство в общенемецком масштабе), *kirchlich-*

---

¹ Публикуется с конца 1980-х гг.: *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch*. Hrsg. von R.A.Anderson u.a. Berlin –New York, 1986. – Bd.I. – S.18.

² За основу составителями словаря взята текстологическая шкала, предложенная авторами *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. (Red.V.Moser, H.Stopp).

theologische, literarische und unterhaltende Formen, а также словари и вокабуляры. Примечательно, что в юго-западном ареале на второе место выдвигались жанры хроник и художественной литературы, несколько опережая религиозно-теологические тексты.

Отмечая роль ранних словарей, авторы «Ранненововерхненемецкого словаря» тем не менее относятся к ним сдержанно, отмечая приверженность их составителей традициям словарей иностранных слов (т.е. латыни). Но наиболее скептически по этому поводу высказался Г.Полиц: «Das Gebuchte ist **unvollständig** und in seiner Zusammensetzung **zufällig**, weil es nicht aus dem Bemühen heraus gekommen wurde, die Sprachwirklichkeit planvoll zu erfassen, sondern abhängig von dem lateinischen Wortbestand eines lateinisch-deutsches Wörterbuchs». (выделено мною. С.Д.) [2, S.77].

Лексикографию юго-запада Германии XVI века можно разделить на два направления: 1) более ранняя страсбургская традиция (словари П.Дазиподия в изданиях В.Рихеля и их последователи) и 2) цюрихская традиция (словари «группы Фрошауэра» И.Фриза и Й.Малера). В целом она формировалась в русле общеевропейской гуманистической тенденции, характеризующейся появлением синкретических словарей энциклопедического (основа словника – понятийная) и языкового типов (вокабулярий построен по гнездовому или алфавитному принципу), а также под влиянием первых популярных тезаурусов, словарей синонимов и иноязычных слов (т.н. Ausleger).

Страсбургская традиция

Швейцарский протестантский священник, преподаватель и гуманист П.Дазиподий (ок.1430-1559) создал свой учебный словарь *Dictionarium latinogermanicum* (1535 г.) вскоре после переезда из охваченной религиозными войнами Швейцарии в Страсбург, постоянно дорабатывая его в переизданиях В.Рихеля (ум.1555)¹. Малоформатный недорогой словарь, вышедший большим для своего времени тиражом (3000 экз.), имел с 1536 г. немецко-латинскую часть, которая однако не полностью совпадала с латинско-немецкой. Концепция Дазиподиуса-лексикографа базировалась на идеях школьного реформатора страсбуржца И.Штурма и испанского гуманиста Х.Л.Вивеса по замене старых учебных *Vocabularium rerum* с «плохой латынью» на двуязычные словари.

---

¹ По мнению Дж.Веста, словник Дазиподия можно оценивать адекватно лишь с учетом всех прижизненных переизданий (их около 10) (См.: J.West. P.Dasypodius. Entwicklungsgeschichtliche Edition des Textes. Im Druck.)

Основными источниками базового (латинского) словника у Дазиподия послужили одноязычный лексикон классической латыни **А.Калепинуса** (Италия, 1500-е гг.), алфавитные латинско-французские словари упомянутого **Р.Стефануса** и вокабулярии (около 10, часто страсбургских изданий) рубежа XVI века. Словарная статья в немецко-латинской части строилась по гнездовому (корневому) принципу с элементами алфавитного расположения и латинско-греческих этимологий. Примечательно, что немецкие слова, в отличие от латинских, не имели грамматических показателей, что свидетельствует об определенной вторичности немецкой части словника. Дазиподий также ничего не говорит в предисловии о роли родного языка, что характеризует его в первую очередь как латиниста.

Первые исследователи Дазиподия (Я.Гримм, К.фон Бадер) отмечали региональный (даже диалектный) характер лексикона словаря. Однако **А.Широкауэр** в своей программной статье («Das Werden der Gemeinsprache im Wörterbuch des Dasypodius», 1943) однозначно оценил «лексикографа-новичка» и его соавтора (?) печатника **В.Рихеля** как ориентированных, хотя и недостаточно уверенно, на надрегиональный узус [1, S.14-17]. Это проявилось в постепенном сокращении регионализмов в переизданиях и их нейтрализации в синонимических рядах. Так, **А.Широкауэр** констатировал исчезновение с 1550-х гг. диалектных (алеманских) лексем (например, *Grieß* «землекоп») и характерное последнее место регионализма в словарной статье в типичной для Дазиподия триаде, например, «дрожжи»: *hebel* (общеверхненемецкое), *sauerteug* (восточносредненемецкое), *deyssem* (эльзасское) [1, S.20-21].

Более детальные исследования словника Дазиподия (**С.Ветекамп**, **Дж.Вест**) в целом подтвердили тезис **А.Широкауэра**, однако обнаружили бессистемность словарного отбора (в частности, синонимов) в направлении «общеверхненемецкого» узуса и более реально оценили «вмешательство» **В.Рихеля**, ограниченное все таки фонетико-морфологическим уровнем. Так, **С.Ветекамп** зафиксировала не более двух десятков алемански-маркированных лексем, которые являлись в основном коллоквиализмами или малочастотными бытовыми реалиями типа: *Wahle* «скалка», *Gesöd* «взвар» [5, S.293-317]. Кроме того, отмечалась узкая текстовая база словаря (*sehr unzureichende Quellenbasis*): Дазиподий вряд ли использовал кроме библии Лютера современную эльзасскую религиозную литературу, как полагал **А.Широкауэр** [5, S.15-16].

Сопоставительное исследование **Ф.Гартвега** также показало, что немецкий словник Дазиподия достаточно далек от актуального лексического узуса юго-запада, как он, в частности, представлен у популярнейшего базельского писателя-сатирика **С.Бранта**: «Seine

Entscheidungen bedeuten häufig, im Vergleich zu Brant, einen Schritt in die Richtung des überlandschaftlichen Ausgleichs» [4, S.425-429].

Таким образом, страсбургская лексикографическая традиция, вершиной которой стал словарь Дазиподия – самый популярный учебный словарь XVI века (до конца XVI века имелось еще до 10 переизданий в надрегиональной по характеру сбыта продукции типографии Рихелей, а также множество т.н. Raubdrucke) изначально не стремилась к адекватному отображению лексического узуса юго-западного ТВЛЯ в его источниковой основе, отражая усиливавшуюся в Эльзасе ориентацию на общенемецкий «предстандарт».

Цюрихская традиция

Данное направление берет свое начало с 1540-х гг. и публикации в Цюрихе в типографии К.Фрошауэра большого латинско-немецкого словаря под редакцией крупного швейцарского гуманиста и протестантского просветителя И.Фриза (1505-1565) и его соавтора П.Коллина (ум. в 1542 г.) (*Dictionarium latinogermanicum*, 1541). В 1548 г. Фриз выпустил латинско-франко-немецкий словарик, а в 1556 г. – переработанное издание большого словаря («Большой Фриз») и краткий латинско-немецкий учебный словарик (*Dictionariolum*) с немецко-латинской частью («Малый Фриз»), являвшийся конкурентом учебному словарю Дазиподия. До конца XVI века в Цюрихе фолиант 1556 г. был переиздан дважды (1568 и 1574 гг.), а «Малый Фриз» – четырежды (1568, 1586 гг. и дважды в 1596 г.), кроме того, имелось расширенное переиздание трехязычного словарика (1550 г.).

Словник словарей Фриза, построенных в основном по алфавитному принципу, изучен мало, однако, по мнению Г. де Смита, его основными источниками послужили поздние издания Р.Стефануса¹, словари Дазиподия, научные лексиконы, в частности, под редакцией известного энциклопедиста и друга Фриза К.Геснера (1516-1565) [3, S.400]. Кроме того вероятно влияние вокабуляра цюрихского перевода Библии (1530-е гг.), в котором Фриз принял участие. В отличие от Дазиподия Фриз больше опирался на французскую часть словарей Стефануса (перевод эквивалентов) и исходил из иной концепции презентации родного языка в словаре.

В предисловиях Фриз превозносит достоинство и словарное богатство немецкого языка, выступая как «Sprachkritiker und Sprachpfleger» [3,

---

¹ Уже издание 1541 г. имело расширение вокабуляра словаря Стефануса примерно на 20%.

S.402], ориентируясь на «общенемецкий язык». Интересно, что во введении к немецко-латинской части *Dictionariolum*, созданной вместе с анонимным соавтором, он отмечает фонетические отличия юго-западного ареала (монофтонги): «...was auf ein deutliches Bewußtsein der Sonderstellung der Schweiz in der deutschen Sprachsituation um 1550 hinweist» [3, S.403-404]. Тем не менее словари Фриза ближе к традиции *Fremdwörterbuch*: латинские слова имеют грамматические показатели, а цитации – сноски на авторов (их в «Большом Фризе» указано около 30).

Переиздания «Большого» и «Малого Фриза» отличала тенденция к устранению региональной окраски (под влиянием практики Фрошауэра?), однако «ohne jeden systematischen Charakter»: в частности элиминируются некоторые регионализмы (*gesin-gewesen, großaetty-großvatter, empfilch-gefilch*) [3, S.410]. Лишь словарик 1548 г., наименьший по объему и ориентированный на местного читателя, наиболее регионально окрашен (сохранение монофтонгов, синкопы и др.), базируясь на «Vollständigkeitsbestreben» [7, S.302].

Цюрихская традиция изначально базировалась на инициативах и лингвистических идеях К.Геснера (см., в частности, его трактат «Митридат. О различиях языков». Цюрих, 1555). Как показали исследования М.Петерса, не выходя еще за рамки «*Aquivalenzwörterbücher*», цюрихские словари «группы Фрошауэра» стимулировали увлечение собирательством (в частности регионализмов) и составление тезаурусов. При этом Геснер рассматривал лексикографию как «средство защиты родного языка от упадка», различая диалектную и «высшую» формы языка, к которой он относил «*Sächsisch*» (т.е. восточно-средненемецкий ТВЛЯ) [11, S.265-266].

Наибольший интерес для данного исследования представляет пятое издание из «группы Фрошауэра» – полностью алфавитный немецко-латинский словарь Й.Малера (1529-1599) «*Die Teütsch spraach*» (Цюрих, 1561 г.), являющийся первым наиболее полным словарем на немецкой основе [6]. При его оценке мнения исследователей расходятся. Если Я.Гримм в предисловии к своему «Немецкому словарю» (1852 г.) отмечал «истинно немецкий» характер его словника, то Я.Бехтольд оценивал словарь Малера лишь как механическую переработку (*Umkehrung*) «Большого Фриза», выполненную его скромным учеником, а в дальнейшем протестантским священником в провинциальном Винтертуре [8, S.23].

Как отмечает Г. де Смет, «Большой Фриз» (*gründlich und gewissenhaft exerpirt*) послужил основным источником словника Малера, который использовал также другие словари Фриза и Дазиподия, естественнонаучные лексиконы Геснера, словник библии Лютера, современные собрания пословиц (С.Франка и И.Агриколы), т.е. приближался к «*Quellenrezeption*». [10, S.XIV, XVII] Тем не менее словарь Ма-

лера не был «vollständige und gezielte Inventarisierung des Wortschatzes des 16. Jahrhunderts» [10, S.XXIII].

По мнению К.Грубмюллера, словарь Малера, который не являлся «blose Umkehrung des Großen Fries», отличает противоречие «между декларацией лексикографических принципов «полноты» и реальностью инвентарного состава»¹ [9, S.155,157]. Малер не отказывается от старого принципа «Interpretiersprache – Latein», лишь местами обнаруживает селекцию немецкой лексики («spontanes Sammeln und Notieren») и спорадическое отражение узуса, делая первым среди лексикографов шаг к «Quellenarbeit» [9, S.160-161].

Очевидно, что словарь Малера не был предназначен для узких целей латинской школы. В предисловии, автором которого являлся сам К.Геснер, отмечается, что он предназначался и для европейцев, изучающих немецкий язык. Тем не менее «Teütsch sprach» ни разу не был переиздан, в отличие от остальных словарей «группы Фрошауэра». Некоторые исследователи полагают, что это объясняется узко-территориальным характером словника у Малера: «Durch diesen allgemeinen Charakter unterscheidet sich das Wörterbuch von Dasypodius von dem im Grunde territorial gebundenen Wörterbuch Maalers, das nicht so weite Verbreitung fand.» (курсив мой. – С.Д), ограничиваясь однако общими указаниями на наличие юго-западных лексико-грамматических изгloss в словаре [13, S.168-169].

Для определения того, в какой мере словарь Малера отражал (кодифицировал?) лексический узус юго-западного ТВЛЯ было проведено его сравнение со современным словником швейцаризмов под редакцией Х.Фенске (ок.1200 ед.).² Обратное сопоставление (Фенске – Малер) позволяет: 1) выяснить степень устойчивости элементов регионального лексического узуса крайнего юго-запада XVI века в швейцарском национальном варианте немецкого литературного языка и определить их стратификацию; 2) косвенно судить об адекватности его отражения в региональной лексикографии³, что более актуально для данного исследования.

---

¹ В названии словаря автор указывает на максимальное стремление к тезаурусному типу: «Alle woerter, namen unt arten zuo reden in hochteutscher sprach».

² Fenske H. Schweizerische und österreichische Besonderheiten in deutschen Wörterbüchern. Mannheim, 1973. См. подробнее о результатах сравнения [14, С.5-8], которые в данном исследовании несколько количественно уточнены.

³ Полнота проведенного анализа ограничивается спецификой словаря Малера, который не всегда фиксирует грамматические показатели слов, непоследователен в отражении их семантических структур и фразеологических сочетаний. Например, невозможна идентификация таких грамматических швейцаризмов, как: *die Ostern* (Pl.), *speisen* (st. Verb), *weben* (st. Verb), *zürnen* + Akk., а также всех швейцаризмов, имеющих маркированную акцентную структуру.

Проведенный анализ позволил выявить следующее соотношение:

- а) полностью тождественные в плане содержания и выражения лексемы;
- б) лексемы вышеуказанного типа, но имеющие фонематические отличия у Малера (в основном это вокалические явления: сохранение архаичных монофтонгов и лабиализаций, дифтонга *uo*, апокопы, отсутствие *умлаута*);
- в) тождественные по значению лексемы, но имеющие структурные различия (фономорфологические, словообразовательные, или отражение тождественного корнеслова в разных частеречных формах: глагол/существительное, прилагательное/глагол и др.);
- г) тождественные в плане выражения лексемы, но имеющие различия в семантике (несовпадение объемов значения, семантических структур).

Полученное количественное соотношение можно представить в виде таблицы:

Словарные соответствия Фенске – Малер

Общий объем	группа а	группа б	группа в	группа г
339 ед.	149 ед.	37 ед.	85 ед.	68 ед.
28,2 %	12,4 %	3,2 %	7 %	5,6 %

В целом выявленный объем соответствий (это в своей основе диалектная алеманская лексика) следует признать значительным, если учесть, что определенная часть современных швейцаризмов имеет иноязычное происхождение, является позднейшими словообразовательными и семантическими новообразованиями на базе общенемецких лексем. Таким образом, словарь Малера достаточно адекватно отражал базовые признаки узуса юго-западного ТВЛЯ XVI века.

Дальнейшее развитие страсбургской и цюрихской традиций до конца XVI века свидетельствует об ослаблении швейцарской лексикографии. Напротив, в Страсбурге, на который ориентировались основные издательские центры юго-запада (Базель, Аугсбург), после учреждения академии в 1570-е гг. усиливается выпуск латинизированных учебных лексиконов. В 1579 г. вышел популярный тематический лексикон Т.Голиуса «*Onomastikon latinogermanicus*», который, как и Дазиподий, был мало ориентирован на родной язык. В 1586 г. наследники Рихеля опубликовали фолиант латинско-греческо-немецкого «*Lexikon Trilingue*» (составители – ученики И.Штурма Д.Шеллингус и Х.Эммилиус) на основе «Большого Фриза» с немецко-латинским словариком. Все эти издания обнаруживали усиленную ориентацию на «общенемецкий предстандарт» [3, S.411].

Как отмечает Л.Хелшер, ранние немецкие словари не могли полно отразить и не стремились нормализовать (или кодифицировать) акту-

альный узус, являясь лишь индикаторами словоупотребления (Anwendungsbereiche) и обнаруживая в основном черты переводных лексиконов пассивного типа [12, S.329-330].

Подводя итог, следует отметить, что оценка лексического узуса ТВЛЯ юго-запада возможна лишь в сопоставительно-источниковедческом плане, т.е. с привлечением как словарей (в первую очередь Малера), так и глоссариев к наиболее репрезентативным типам письменности региона (Textsorten), которые для рассматриваемого региона представлены лишь фрагментарно (например, опубликованные словники крупных литераторов Фишарта, Мурнера и др.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Schirokauer A. Studien zur frühneuhochdeutschen Lexikologie und zur Lexikographie des 16. Jahrhunderts. Heidelberg, 1987.
2. Powitz. Das deutsche Wörterbuch von J.L.Frisch (1741). Berlin, 1959.
3. De Smet G. Zur Geschichte des Großen Fries // Studien zum Frühneuhochdeutschen. Göppingen, 1988.
4. Hartweg F. Literarische Schriftsprache und Lexikographie des Frühneuhochdeutschen: S.Brant-P.Dasypodius // Akten des 6. Germanistenkongresses. Bern, 1980. – Т.2.
5. Wetekamp S. P.Dasypodius Dictionarium latinogermanicum et vice versa (1535). Untersuchungen zum Wortschatz. Göppingen, 1980.
6. Дубинин С.И. Региональное варьирование немецкого литературного языка и лексикографии XVI века // Семантика и прагматика языка в диалоге культур. Самара, 1998.
7. De Smet G. Zur Vorgeschichte des Kleinen Fries // Soziokulturelle Kontexte der Sprach – und Literaturentwicklung. Stuttgart, 1989.
8. Bächtold J. Kleine Schriften. Frauenfeld, 1889.
9. Grubmüller K. Vokabular und Wörterbuch. Zum Paradigmawechsel in der Frühgeschichte der deutschen Lexikographie // Brüder-Grimm-Symposium zur historischen Wortforschung. Berlin – New York, 1986.
10. De Smet G. Einführung // J.Maaler. Teütsch spraach. Nachdruck der Ausgabe Zürich 1561. Darmstadt, 1971.
11. Peters M. Sprachwandel und Sprachnorm in C.Geßners «Mithridates» und seiner Vorrede zu J.Maalers «Teütsch spraach» // Archiv für das Studium neueren Sprachen und Literaturen. 1971/1972, Bd.208.
12. Hölscher L. Zeit und Diskurs in der Lexikographie der frühen Neuzeit // Historische Semantik und Begriffsgeschichte. Stuttgart, 1978.
13. Guchmann M.M. Der Weg zur deutschen Nationalsprache. Berlin, 1969. – Т.2.
14. Дубинин С.И. Лексическое своеобразие швейцарского варианта немецкого литературного языка в диахронии // Проблемы вариативности в германских языках. Самара, 1995.